УДК 336.011

Мулляр Л.А.[1]

МЕНТАЛЬНЫЙ БАРЬЕР ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения социального экономического менталитета и состояния экономической культуры общества; обосновывается зависимость обучаемости финансовой грамотности от содержания имущественно-финансового менталитета и необходимость предварительной ментализации.

Ключевые слова: менталитет, монетарные стереотипы, финансовая грамотность, социальное аутсайдерство, экономическая культура.

Mullar L.A.

MENTAL BARRIER OF FINANCIAL LITERACY

Abstract. The paper deals with the problem of the correlation of the social economic mentality and the state of the society's economic culture; the dependence of the learning ability of financial literacy on the content of the property and financial mentality is substantiated and the need for preliminary re-registration is substantiated.

Keywords: mentality, monetary stereotypes, financial literacy, social outsider, economic culture.

От *Частного* финансового поведения во многом зависит судьба *Общего* состояния финансово-экономической системы – перспективность удовлетворение притязаний российского государства на существенные социально-экономические сдвиги. Серьезность момента обеспечена инициативным участием государственных структур: совместный проект Министерства финансов РФ и Всемирного банка «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» породил «Федеральный методический центр по финансовой грамотности системы общего и среднего профессионального образования», созданный в апреле 2016 года как структурное подразделение НИУ ВШЭ с целью формирования в стране кадрового потенциала учителей, преподавателей, методистов, администраторов образовательных организаций, а также эффективной инфраструктуры по распространению финансовой грамотности. Затея, несомненно, полезная, ибо всякая форма грамотности расширяет рамки наличного состояния, и финансовая грамотность не исключение. Но есть одно *«но»*. Монетарные стереотипы – важнейшие элементы экономического менталитета, – предопределяющие избрание индивидом той или иной стратегии финансового поведения, оставлены за пределами административного и научно-методического внимания. Влияние менталитета латентно, поэтому его игнорируют, но оно объективно и закономерно, поэтому фатально. Вот и в данном случае правомерно констатировать ситуацию социально-онтологической эклектики: обучение финансовой грамотности как уверенно-свободному и ответственному обращению с денежным имуществом инициировано и осуществляется в условиях господства традиционного экономического менталитета. Между тем, *«нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри»* (А. Герцен): игнори-

[1] *Мулляр Лилия Анатольевна*, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории, права и гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС, г. Пятигорск, e-mail: mullyar@mail.ru
Lilia Mullyar, Doctor of Philosophy, Professor, Department of History, Law and Humanities, the North Caucasus institute of RANEPA, Pyatigorsk, e-mail: mullyar@mail.ru

рование особенностей менталитета россиян является колоссальным тормозом реализации инициатив – именно латентный ментальный барьер создает риск *«симулякр»*-результативности данного образовательного проекта.

Наше аналитическое внимание к социокультурной семиотике и семантике *финансов /денег* оправдано и актуально, поскольку имеет прямое отношение к выявлению в социальном менталитете и пониманию экономических *образов-концептов.* Понимание - значит овладение и превышение смысла / концепта (*logosa*). Поскольку смысл / концепт (*logos*) всегда размещён в чем-то и где-то, то понимание должно иметь условную «территорию определённости»: необходимо маркировать некое парадигмальное «местопребывание» (*topos*), в котором можно обнаружить смысл / концепт (*logos*). Мы полагаем, что ментальные экономические *образы-концепты* «местопребывают» в пространстве религии и фольклора, в связи с чем конфессиональная имущественная этика и фольклорная сказка закономерно избрана нами в качестве исследовательского *toposa*.

Конфессиональная и фольклорная имущественная этика

Христианская православная имущественная этика связана со святоотеческим учением (IV–V века, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Амвросий Медиоланский, св. Иоанн Златоуст) о труде, собственности, богатстве, бедности, милостыне, которое стало нормативным взглядом РПЦ на имущественное устроение социального бытия. Святые отцы формулируют критерий подлинности христианского отношения к собственности. Поскольку собственность является сильнейшим соблазном, то преодоление его требует отказа от имущества: на личном уровне – полное отвержение собственности, а на уровне христианских общин – общность имущества. Такой взгляд освящен Писанием и апостольским Преданием (имеются в виду знаменитые «коммунистические фрагменты» из Деяний Апостольских (Деян. 2:44–45; 4:32–36)), а также традиционной церковной практикой (общежительные монастыри).

Существенным представляется то, что в православно-патриархальном отечественном менталитете поиск смысла бытия не связывался с исполнением экономической функции. Например, в статье Е. Элбакян и С. Медведко обосновано, что «ориентация на… экономическую выгоду, целесообразность, земные блага и достижения православным верующим россиянам традиционно представляется несовместимой с их представлениями о нравственно значимом или хотя бы оправданном» [1, с. 34]. Считаем правомерным добавить, что человек, ментально отстранённый от экономической деятельности (прежде всего, восприятием её как несущественной и даже мешающей в поисках бога) не реализует себя как субъект ни экономически, ни социально. Такой человек не состоятелен в хозяйственном процессе, и поэтому он экономически самонедостаточен: как результат преобладания духовно-религиозных ориентиров (принцип «молись и кайся», «вера во второстепенность земного» и стремление в «царствие божие») в общественном сознании над эмпирико-экономическими связями (обустройство «царствия земного») возникает консервация производственно-экономических отношений, противопоставление индивида результатам экономического процесса, и, тем самым, обеспечивается позиционирование человека как благоожидателя (установка на *чудо*), а церкви – как благодателя. К. Каутский в своем фундаментальном труде «Происхождение христианства» пишет: «В Евангелиях Иисус говорит об очень многом, но только не о труде, или, скорее, там, где он говорит о нем, он относится к нему с пренебрежением. Так у Луки он говорит: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: душа больше пищи, и тело - одежды. Итак, не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же Отец знает, что вы имеете нужду в том; наипаче ищите Царствия Божия, и это всё приложиться вам! Продавайте имения ваши и давайте милостыню» (Лк. 12:22–33)» [2, с. 349]. Если католики, а тем более протестанты критически отнеслись к данным предписаниям, то православие восприняло и абсолютизировало их как руководство и рецепцию существования. Отрицание православной имущественной этикой праведности прибы-

ли и обогащения объясняется византийской православной традицией, которую, к сожалению, восприняла Русь / Россия: «византийское православие представляет труд как следствие греха... считается, что богатство – грех, а бедность – добродетель...» [3, с. 203]; «...к прибыли, полученной от ремесла и торговли, в православном византийском обществе отношение было отрицательным»; «хозяйственно-экономическая жизнь,… взаимоотношения людей в процессе производства и потребления не просвещались высшим смыслом служения Богу и ближнему» [4, с. 77, 82]. Результатом стали: приоритет духовно-мистической цели жизни; редукция жизнестроительства к богоискательству в ущерб заботе об эмпирическом обустройстве бытия; ожидание божьей благодати; идеализация бедности; социально-экономическая смиренность; практическое нищелюбие – привечание нищих и попрошаек.

Основные характеристики христианско-православной доктрины позволяют оценить потенциал её влияния на развитие национального экономического менталитета как весьма высокий и, с нашей точки зрения, негативный; православная имущественная этика *играла и играет* серьёзную роль в создании специфической экономической атмосферы в российском социуме: «Весь русский дух и уклад оправославлены. Это основная форма русского национального бытия» [5]. В то время как христианско-католический мир на основе классической греко-римской культуры утвердил приоритеты права, рационализации и прагматизации бытия; затем христианский протестантизм констатировал, что богатство есть эквивалент труда и достоинства, «православие положило в основу человеческого существа жизнь сердца и исходящего из сердца созерцания. В этом его глубочайшее отличие от католицизма, ведущего веру от воли к рассудку, от протестантизма, ведущего веру от разума к воле» [5]. Православная концепция спасения души предполагает совершенно особый путь к богоизбранности нежели рационально-волевые усилия индивида по экономической самомотивации и самореализации: если «человек усердно молится и вдруг – результат, это означает, что он божий избранник... При отсутствии идеи труда как процесса в образах святых они, тем не менее, характеризуются идеей результата. Точнее – идеей одномоментного достижения результата посредством чуда» [3, с. 204]. *«Экономика чуда»* предполагает, что бог дарует, в том числе, и материально необходимое: веруй – и будет «что вам есть и что пить» и «во что одеться». Чудо рассматривается как производственная технология. Фактически *«экономика чуда»* означает отказ от актант-активного устроения социально-экономической сферы, что подтверждают сами адепты православия: «Принадлежность к святым предполагает обладание не символами успеха, а определенным аскетическим типом поведения и духовными навыками, недоступными греховному человеку» [6]. Между тем, объективно ход экономических реформ в современной России способствует внедрению именно либерально-протестантской модели хозяйственной ориентации на *успех*, что приводит к её столкновению с традиционно-православной моделью, которая в это же время упрочивает свои позиции в менталитете при официальной открытой поддержке российской власти, но чья «неспособность решать рыночные задачи» констатируется учёными [4].

Поскольку «русские сказочные образы както совершенно незаметно и естественно воспринимают в себя христианский смысл» [4, с. 45], постольку правомерно утверждать, что вероисповедальная православная среда проецируется на фольклорно-сказочную среду. В русской сказке «…просто и естественно совершается превращение волшебного в чудесное в христианском значении слова» [4, с. 50] – *«экономика чуда»* находит свое непосредственное выражение в специальных сказочных формулах: «вдруг, откуда ни возьмись…», «по щучьему велению, по моему хотению», «что прикажешь – вмиг сделаем», «раз, два – и готово!»; «ведра сами и пошли в гору», «топор давай дрова колоть», «дрова сами в избу идут и в печь лезут», «сам выстроился каменный дворец с золотой крышей»; «и наткано, и побелено, и в трубы покатано»; «грядки выполоты, вода наношена, печь истоплена, капуста полита»; «за ночь встал на острове золотой дворец»; «топор сам сделал корабль», «топор сам начал тяпать: тяп да ляп - вышел корабль».

Русская сказка повсеместно демонстрирует восприятие чуда не как реализацию человеческой активности, а как божью волю, отображая наиболее типичные и популярные экономические ментальные установки россиян на *«экономику чуда»* / *удачу*, в значительной степени обусловленные вероисповедальным фактором: «Сказки, где высказывается житейская мечта русского простолюдина, наиболее близки к русской действительности» [7, с. 101].

Тандем христианское православие – фольклорная сказка сформировал ментальный стереотип неприложения усилий, *«легкий хлеб»*, сиюминутный результат – *удачу.* Но фольклор интересен и как самодостаточный «накопитель народной мудрости» (В. Верховин) относительно экономических приоритетов. Фольклорный массив включает в себя образно-концептуальные хозяйственно-экономические установки: «…в фольклорном метафорическом мышлении в явном или неявном виде присутствуют все основные категории экономической теории» [8, с. 670].

Материальное благополучение. Российский путь в имущественной этике, обусловленный коллективистско-общинной моделью собственности и христианско-православной доктриной отношения к богатству, пролонгирован в «наивном» экономическом мышлении сказки: «Экономический материализм, для которого всякая идеология, в том числе и сказочная, представляет собою «отражение экономических отношений в человеческих головах», нашел в сказках богатый материал для своих построений» [7, с. 105].

Экономический процесс в общинно-коллективистском варианте исключает экономическую самостоятельность личности, сковывает экономические отношения. Деятельность анонимного коллективного субъекта (общины) сделала людей средством для воспроизводства. В коллективе-общине индивид не является субъектом собственности: собственность как отношение не есть отношение для каждого участника экономического процесса, она не является собственностью каждого отдельного индивида; собственность существует как собственность «вообще». Не являясь субъектом собственности, индивид отчуждается и от собственности на результаты труда, тем самым, находясь вне системы производственно-финансовых отношений, которые господствуют над ним.

Для христианско-православной имущественной доктрины характерно презрение к накопительству и к собственности, нелюбовь к богатству: «В византийской культуре земное существование человека рассматривалось как эпизод на пороге вечной жизни, и потому не представляло особой ценности. Отсюда в православной культуре идет пренебрежение к земным благам…» [9]. Россия, принимая «культурную эстафету» у Византии, приобрела эту установку однозначно и абсолютно. Механизмы товарно-денежных отношений в России были слабо развиты, в народной среде преобладало средневековое отношение к деньгам: «денежные дела вообще презирались, так как еще не было казуистически дифференцированной морали денежных отношений» [10, с. 76]. Поэтому для российского менталитета «деньги были ни чем иным, как лицемерно сверкающим и горячо вожделенным золотом и именно поэтому – дьяволом» [10, с. 76]. Отношение к собственности выражается в наставлениях «освобождения от имущества и раздачи его нуждающимся, что является безусловно необходимым для всякого христианина» [11, с. 58] потому, что «право собственности не принадлежит к области благодатной христианской жизни, к сфере Божьего царства и не может быть рассматриваемо как святыня для христианской совести… право частной собственности принципиально противоречит началу всеобъемлющей христианской любви, не знающей границ моего для другого…» [12, с. 129].

Мощное влияние общинного сознания и православия энантиодромичны мечте «народного духа» об избавлении от бедности, нужды, голода: «От бедности и скудности жизни происходит все наше человеческое искание неизречённого, волшебного богатства. От начала и до конца сказка – дитя нашей кручины и печали» [7, с. 102]. Эта надежда в житейско-«перевёрнутом» восприятии богатства и достатка на «вдруг, откуда ни возьмись» чудо / небывальщину переместилась в сказку: фактически, идея русских сказок состоит в перма-

нентном стремлении / искании героем материального рая в «ином царстве», принимающем форму мечты о богатстве, «которое само собой валится в рот человеку безо всяких с его стороны усилий». Ситуация обусловлена и продиктована бедственным положением большинства российского социального сообщества в его реальном социальном бытовании, перманентной имущественной обездоленностью, высокой степенью экономического отчуждения: «Тема эта развивается в многочисленных сказках, коих героями являются всегда бедные, неимущие. Есть, например, типичная сказка о «хитрой науке»: бедная старуха продала избу и говорит сыну: «Собирайся в путь, пойдем искать легкого хлеба» [7, с. 100]. Русская фольклорная сказка предъявляет несколько вариантов материального благополучения, отмеченных В. Розановым как триада специфически российского приобретения благ – «украл, нашёл, подарили»: «В России вся собственность выросла из «выпросил», или «подарили», или кого-нибудь «обобрал». Труда собственности очень мало» [13, с. 372].

«Украл»: Как отмечает Е. Трубецкой, «сказки воровские имеются у всех народов» [7, с. 97], но в европейском менталитете они не являются социально-эталонными, а выполняют роль социальной карикатуры и прецедента неприемлемого социально-экономического поведения. В тоже время, «в русской сказке сочувствие лени и воровству граничит с апофеозом лентяя и вора» [7, с. 97], а «счастье обыкновенно сопутствует лентяю и вору» [14, с. 33]. Чужое имущество в сказке умыкают как простолюдины (крестьяне и работники), так и сказочные герои высокой категории – богатыри и царевичи. Так латентно-контекстно русская сказка формирует в отечественном менталитете одобрительное отношение к социально и экономически вредной стратегии обогащения и «достижительного» поведения.

«Нашёл»: материальное благополучение может состояться обнаружением клада. Сказочное наследство / клад может получить только персонаж, связанный с родом. Если исходить из теории фольклористов о защитных силах рода, которые воплощены в чудесном наследстве или кладе, то это дает основания утверждать, что коллективистско-общинная призма восприятия социального бытия доминирует в русской сказке и потому детерминирует приоритетность ментальной ориентации на чудесный патернализм рода как его перманентное попечительство.

«Подарили»: материальное благополучение возможно как получение чудесного подарка / наследства. Формально подарок / наследство выступает как сюжетообразующий фактор: в начале сказки герою подарен чудесный предмет / животное или умирает отец / мать и в наследство сыну / дочери достается некоторое количество денег, волшебный артефакт или волшебное животное.

Подавляющее большинство отечественных фольклорных сказок трактует материальное / финансовое обогащение героя, прежде всего, как чудо *«лёгкого хлеба»* – наследство, клад, воровство – без труда: «Лёгкий хлеб» – вековечная мечта человеческой лени» [7, с. 97].

Монетарные стереотипы. Деньги в сказке позиционируются амбивалентно. С одной стороны, под влиянием традиционно-православной ментальности, негативно. Деньги – зло, скверна, воплощение плутовства и смерти: «...лютей и злоедливей всего на свете казна. Она очень всем завидлива: из-за нее пуще всего все, слышь, бранятся, дерутся, убивают до смерти друг дружку» («Горшеня»). Материальные помыслы «про деньги, да про богатство», которое бывает у «людей удачливых», однозначно и категорично характеризуются «худыми думками», как «ненадежное дело: комочками приходит, пылью уходит, на человека тоску наводит» [19, с. 523]. Поэтому деньги отвергаются, прославляется бессеребренничество, отказ от любой материальной награды: вместо оплаты берут «доброе слово», которое сближается с заклинанием. С другой стороны, деньги-золото изображаются как везение, гарант счастья и благополучия: деньги «взламывают» сословные перегородки – и тогда царь «любит» крестьянского сына за неисчерпаемый кошелек, назначает министром, женит на своей дочери. Отсутствие денег может поставить в положение слуги или даже раба, а их наличие сразу ставит в положение господина. Богатство изображается как милость божья, поэтому деньги / драгоценности в русской сказке обычно наследованы,

найдены или подарены волшебным существом. Чаще всего представленные «златом-серебром», жемчугами, алмазами, изумрудами, самоцветными камнями деньги / драгоценности измеряются мешками и коробами. Отмеченное сказкой характерное для русского человека отношение к деньгам, пролонгировано в русской художественной литературе: во-первых, это стремление обладать деньгами любой ценой, не гнушаясь их происхождением – «…тотчас же из-под купола начали падать в зал белые бумажки. Через несколько секунд денежный дождь достиг кресел, и зрители стали бумажки ловить. Поднимались сотни рук… Всюду гудело слово «червонцы, червонцы!», кое-кто уже ползал в проходе, шаря под креслами. Многие стояли на сиденьях, ловя вертлявые, капризные бумажки. Вообще возбуждение возрастало, и неизвестно, во что бы все это вылилось, если бы Фагот не прекратил денежный дождь, внезапно дунув в воздух» [15, с. 436–437]; во-вторых, это *не* использование денег рационально, *не* вложение в дальнейший цикл производства – деньги «не работают», а «пущены по ветру»: «… а с деньжонками, сам знаешь, и попьешь и погуляешь» [16, с. 16], «… обычная черта сказочного дурака – презрение к деньгам – превращается в добродетель бессребреника. Случайно ему достались за кота три бочонка золота – «экая пропасть золота, куда мне с ним деваться», – подумал дурак и пошёл по городам да сёлам оделять нищую братию» [7, с. 122]. В русском менталитете ценность денег измеряется совсем по иным параметрам, нежели в европейском сознании, поэтому трудно не согласиться с выводом, сделанным К. Богдановым: «Деньги как бы иностороннии (русскому) фольклорному герою, они противостоят не только традиционному крестьянскому обиходу, но более того, противостоят всей сфере обыденной и нормативной повседневности» [17, с. 78].

Следует подчеркнуть, что «уход от гнетущей человека бедности жизни, подъем к неизречённому богатству чудесного есть общая черта всех веков и всех народов» [7, с. 120], но направления и алгоритмы преодоления бедственного положения, размещённые в менталитете социально-культурных сообществ, существенно отличаются. Сказка образно-концептуально отражает различия в «прагматике народной жизни» (В. Верховин), детерминированные несовпадением исторических условий и, особенно, вероисповедальных факторов социального бытования народов. Основа экономического сознания западноевропейца, отражённого европейской сказкой, – протестантская трудовая этика – подразумевает «равенство на старте», равенство возможностей и последующую экономическую дифференциацию, стимулирует кропотливый индивидуальный труд и приветствует обогащение как его закономерное следствие. Поэтому протестантизм органично соответствует рыночным отношениям и либеральной экономике [18]. Основа экономического сознания россиянина, отражённая русской сказкой, – православная трудовая этика – предполагает приоритет экономической соборности, «равенство на финише», осуждает стремление к обогащению, т.е. абсолютно противоречит духу рыночной модели развития и либеральному капитализму. Особенности русского менталитета не совместимы с вестернизацией социально-экономической реальности России XXI века. Это объясняет ментальную невосприимчивость реформ обществом. Привносимые образцы экономической жизни по западным моделям не соответствуют русскому менталитету, и не будут иметь в России положительной корреляции с возрождаемыми и укрепляемыми культурными традициями: «Мы стоим лицом к лицу с бессмертным образом разбитого Корыта; есть и другой, достойный стать с ним рядом. Это образ мужика, обманутого сладкою мечтою и не находящего пути для благополучного возвращения от утопии к действительности. Его удел болтаться между небом и землей на фантастической веревке из тонкой паутины; а неизбежный конец его странствий – топкое и грязное болото» [7, с. 118].

Конфессиональные и фольклорные представления об имущественной социальной статусности

Статусная экономическая определённость как основа организованной социальной жизни выражена в Новом Завете отношением к бедным и богатым: «блаженны нищие» (Лк. 6,20); «горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение» (Лк. 6,24); «удобнее вер-

блюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19,24). Нищие и бедные блаженны и почитаемы, ибо свободны от материальной привязанности и потому вольны идти за Христом; богатые презираемы, ибо пребывают в плену эгоистических экономических наклонностей и потому отдалены от Бога. Богатство рассматривается как угроза любви к ближнему; бедность оценивается как условие проявления человечности, милосердности. Кроме того, бедные претерпевают множество страданий, а потому становятся ближе к Христу. Данные постулаты объясняют, почему нищелюбие в православии становится эталоном земного существования, обеспечивает близость Богу и доступ в Царство Божие после смерти.

Фольклор каждого народа, в соответствии с форматом и сутью социального бытия и социальных представлений, рождает наиболее свойственные его духу ментальные образы – образцы достижения имущественно-финансовой социальной статусности: «Национальная окраска проявляется в конкретном изображении героев, в конкретном понимании той бедности, от которой они ищут спасения, и того богатства, в котором они его находят» [7, с. 97]. «Бесперспективность» героини / героя русской сказки выражена не только низким семейно-сословным (младший крестьянский сын / дочь), но и малозначительным имущественно-финансовым статусом. Мотив социально-экономического аутсайдерства в русском фольклоре приоритетен, представлен основательно и в многочисленных вариантах. Более того, «стартовый» герой-аутсайдер в русских фольклорных сказках выступает главным и любимым, по отношению к которому сказка активно решает проблему обретения им высокого социально-экономического статуса посредством *удачи* и, который, в конечном итоге, оказывается самым социально *удачливым*: «В числе обиженных судьбою есть несчастные по разным причинам: бедные в буквальном смысле, притесненные и обиженные, жертвы ненависти злой мачехи, жертвы зависти сестер и братьев. Есть и многообразные представители нищеты духовной, а в их числе народный любимец – дурак, тип особенно часто встречающийся» [7, с. 97]. Именно образ-концепт «Иван-дурак» воплощает «достижительную» стратегию, исходящую не из постулатов практического разума и рациональных экономических расчетов (старшие братья Ивана-дурака в русской сказке всегда терпят крах), а ищущую решения проблем вне земного «ума» / логики, оправдывающую поведение «по сердцу» (в соответствии с православным каноном и «русской душевностью»). В теории А. Веселовского / Е. Мелетинского о Иване-дураке как социально обездоленном герое проанализировано «превращение» стартового непрестижного статуса «социальной бесперспективности» в финальный престижный и имущественно / финансово состоятельный статус. В сказке осуществлена мечта об отмене социально-экономической бедности или смягчении обездоленности «сразу и быстро» – справедливость восстанавливается как волшебно-чудесная перемена мест: господин становится слугой или ликвидируется («… царь велел себя раздеть, два раза перекрестился, бух в котел – и там сварился»), а слуга – господином («…признаем царя Ивана!»). Мужик / бедняк *чудом* воцаряется и обогащается. Так фольклорная сказка реализует общественную симпатию по отношению к «социально обездоленному», в связи с чем, считаем, что его статусно-«достижительная» стратегия есть проекция «чаяний и ожиданий» россиянами *социально-экономического чуда:* русский народ, исторически утомлённый социально безрадостным и материально безнадежным существованием, в прямом смысле перманентно «ожидает» *чуда*. Об укоренённости ментальных предпочтений в пользу имущественно-финансового авантюризма в российской культурной традиции свидетельствует пролонгированное в авторскую сказку и художественную литературу социальное позиционирование Ивана-дурака / Емели. Например, Буратино из сказочной повести А. Толстого «Золотой ключик» не отличается усердием и трудолюбием, и, тем не менее, занимает в сказке почетное место главного героя: привлекательность несуразных «торговых операций» (продажа Азбуки) и бредовых финансовых фантазий (посеять монеты и вырастить «денежное дерево») Буратино не только без труда воспринимаются детьми и взрослыми,

но и популярны настолько, что «примеряются» многими на себя. У Ивана-дурака есть и литературный аналог: финансовый авантюрист Остап Бендер из «12 стульев» и «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова – более чем очевидный пример. Социально-экономическая «бесперспективность / дурость» в русском фольклоре идеализирована: «…вечный неудачник должен стать любимцем судьбы... на вершине мудрости и славы должен оказаться дурак» [7, с. 42].

Высокая устойчивость экономических стереотипов и нежелание что-либо менять в своих ментальных привычках может прояснить и ту достаточно равнодушную реакцию россиян на вопиющее социальное противоречие, которое наличиствует в современной российской действительности и которое просто констатировала Вице-премьер правительства РФ Ольга Голодец на Социальном форуме в рамках Недели российского бизнеса 14 марта 2017 года: «Та бедность, которая в стране есть и фиксируется, – это бедность работающего населения. Это уникальное явление в социальной сфере – работающие бедные».

Итак, ментальная – конфессиональная и фольклорная – экспликация имущественно-финансовых приоритетов россиян репрезентирует важнейшие, с нашей точки зрения, измерения российской экономической культуры:

– роль и место финансов в экономическом сознании, монетарные стереотипы и монетарное поведение россиян остаются в пределах традиционной системы ценностей и традиционного экономического сознания, связанного с уравнительностью, религиозностью, коллективизмом, восприятием денег как абстрактной ценности. Это диссонирует с потребностями современного развития государства;

– монетарный менталитет не позволял исторически и не позволяет современному россиянину в полной мере реализовать экономический потенциал; дисгармоничность имущественно-финансового сознания и импульсивность имущественно-финансового поведения неизбежна в условиях традиционной экономической социализации;

– российские традиции экономической социализации сложились под воздействием православной религии и национальной фольклорной культуры; особенностью их исторического функционирования является факт их преемственности культурой воспитания в советском обществе, которая восприняла и развила ментально негативное отношение к деньгам;

– в монетарном сознании и поведении россиян неорганичность модернизации общества отразилась в наибольшей мере, поскольку современная экономическая социализация россиян проходит в условиях экономической и политической трансформации, но без изменений в ментальной системе, что определяет противоречивый характер актуальной денежной культуры в России: в рыночной экономике, где возрастает роль денег как регулятора всех видов социальных взаимодействий, традиционная экономическая социализация оказывается нежизнеспособной, порождает обозначенную выше дисгармонию. Современный россиянин не подготовлен процессом экономической социализации к адекватному социальным переменам монетарному поведению, монетарные стереотипы конфессиональной и фольклорной *«экономики чуда»* и *«легкого хлеба»* пролонгированы в экономическую реальность современной России и объясняют увлечение россиян финансовыми пирамидами, долевым строительством, игровыми автоматами, лотереями, финансовым расточительством, необоснованными кредитами, заведомо невыполнимыми долговыми обязательствами, финансовым мошенничеством, воровством, сокрытием налогов, оправданием неуплаты налогов, «серыми зарплатами», нищелюбием;

– приоритетная роль в формировании монетарных представлений и установок у детей отводится процессу первичной экономической социализации, качестве агентов которой задействован конфессиональный и фольклорный материал, что определяет место и роль образа-концепта «деньги» в ценностной иерархии личности, в формировании имущественно-финансового менталитета личности;

– образно-концептуальный потенциал менталитета может быть использован для создания методологии прояснения латентных имущественно-финансовых приоритетов и

для обеспечения процессов экономической ресоциализации личности, что, несомненно, повлияет на восприимчивость обучения финансовой грамотности.

Финансы / деньги – полифункциональный социокультурный институт, они осуществляют множество экономических и социокультурных функций: измерение потребностей, воздействие на смену спроса, средство накопления имущества, осуществление займа, фактор развития общества, формирование направленности и профессионального выбора личности, имиджа человека в социальной среде, ресурс самоутверждения, удовлетворения амбиций и достижения жизненных целей. Формат и эффективность осуществления функций денег определяется господствующей ментальной системой данного общества. Актуальная финансовая грамотность, являющаяся регулятором монетарного поведения личности в определенной системе социально-экономических отношений, обеспечивает возможность рационально использовать свойства денег человеком для достижения своих целей, поскольку основана на понимании механизма денежного функционирования в обществе, правил обращения с деньгами, осознании денег как инструментальной ценности. Финансовая грамотность – это средство воздействия на финансовую культуру личных доходов и расходов, распоряжения деньгами и выхода на новый уровень материального благополучия. Экономического эффекта добивается тот, кто умеет не только зарабатывать, но планировать свои траты и вложения, а финансово эффективное население – залог благополучия страны: государство только выиграет, если человек научится правильно распределять свои финансы и использовать их, ибо глубокие знания в области экономики и финансов способствуют расширению вовлечения населения в потребление, что, в свою очередь, приводит к устойчивому росту экономики; повышению материального благополучия и увеличению инвестиционных возможностей граждан, что ведет к развитию банковских структур и общему повышению уровня жизни в государстве. Экономически подкованный человек всегда платит налоги вовремя, что делает его законопослушным и успешным гражданином. Содержание финансовой культуры во многом определяется именно латентным влиянием ментальных монетарных стереотипов, поэтому начинать обучение финансовой грамотности нужно «с начала», в данном случае – с экономической ресоциализации: с *изменения отношения к деньгам в менталитете,* т.е., с имущественно-финансовой ресоциализации, а это значит, что в контент программы деятельности «Федерального методического центра по финансовой грамотности системы общего и среднего профессионального образования» необходимо вносить содержательно-сущностные и методологические коррективы. В противном случае реален риск реализации программы только формально.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Элбакян Е., Медведко С. Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян // Социологические исследования. 2001. № 8.
2. Каутский К. Происхождение христианства. М., 1987.
3. Жижко Е. Российская трудовая этика в социально-психологическом контексте экономических реформ // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету. М., 2000.
4. Коваль Т. «Тяжкое благо». Христианская этика труда. Православие. Католицизм. Протестантизм. М., 1994.
5. Ильин И. Что дало России Православное Христианство // Манифест Русского движения [Электронный ресурс]. URL: http://www. patriotica.narod.ru.
6. Холмогоров Е. Православная этика и дух «социального капитализма» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravaya.ru/faith.
7. Трубецкой Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2.
8. Верховин В. Вербализация стереотипов экономического поведения в русском фольклоре // Экономическая социология. М., 2006.

9. Лубский А. Россия как цивилизация: многомерный конструкт исследования // Методология социального познания [Электронный ресурс]. URL: http://www.socis.ru
10. Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
11. Эрн В. Христианское отношение к собственности. М., 1991.
12. Экземплярский В. Учение древней Церкви о собственности и милостыне. М., 1997.
13. Розанов В. Уединенное. М., 2001.
14. Вышеславцев Б. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.
15. Булгаков М. Мастер и Маргарита. М., 1996.
16. Ершов П. Конек-горбунок. Ставрополь, 1979.
17. Богданов К. Деньги в фольклоре. М., 1985.
18. Шкаратан О., Карачаровский В. Русская трудовая и управленческая культура [Электронный ресурс]. URL: http://www.socio.ru.
19. Бажов П. Уральские сказы // Библиотека мировой литературы для детей. М., 1995.
20. Ильин И. О русской идее [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriotica.narod.ru